

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА В НАУЧНОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Попов П.Л.

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия (664033, Иркутск, Уланбаторская, 1), e-mail plp@irigs.irk.ru

В статье рассматриваются, в соотнесении с данными современной науки и актуальными геополитическими тенденциями, ключевые идеи основателей евразийства П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого. Развивавшиеся классиками евразийства представления о туранском культурном типе и принадлежности к нему восточных славян следует признать, особенно в связи с открытиями в области ДНК-генеалогии и развитием лингвистики, ошибочными. Связанные с заимствованиями из классической геополитики аспекты мировоззрения евразийцев: представление о различии Моря и Суши как источнике междоусобных конфликтов, недооценка значения морской деятельности для России, расходятся с геополитическими тенденциями нашего времени. Подходы П.Н. Савицкого, направленные на снижение отрицательных следствий высокой континентальности большей части территории России («принцип континентальных соседств», стремление к самодостаточности страны), актуальны и заслуживают развития. Эти подходы требуют нового осмысления, учитывающего территориальный объем современной России.

Ключевые слова: евразийство, туранский тип, самосознание, континентальность, морская деятельность, самодостаточность.

THE PRINCIPAL IDEAS OF CLASSICAL EURASIANISM IN SCIENTIFIC AND GEOPOLITICAL CONTEXT OF THE PRESENT

Popov P.L.

Sochava Institute of Geography SD RAS, Irkutsk, Russia (664033, Irkutsk, Ulan-Batorskaya 1), e-mail plp@irigs.irk.ru

In the article correlations of results of modern science, the key ideas of the founders of eurasianism, P.N. Savitski, and N.S. Trubetskoy, are considered. Their conception of turan cultural type, including the east Slavs, is insufficiently grounded, especially in context of modern discoveries in DNA- genealogy and progress of linguistics. Elements of world outlook, connected with classical geopolitics (ideas about distinction of Sea and Land, creating international conflicts and underestimation of sea activity for Russia) differ with geopolitical tendencies of the present. The methods of approach, proposed by P.N. Savitski, directed at reduction of negative effects of high continental character of the greater part of Russia (the principle of continental vicinities, aspiration for self-sufficiency of the country) are urgent and deserve of development. These methods of approach demands of a new comprehension, taking into account the territorial volume of modern Russia.

Key words: eurasianism, turan cultural type, self-consciousness, continental, sea activity, self-sufficiency.

Вопрос о цивилизационном положении России является важным для отечественной культурологической и геополитической мысли. За рубежом ему также уделяется немалое внимание. Является ли наша страна частью европейской, славянской, евразийской цивилизации, или особым государством-цивилизацией? В зависимости от ответа на этот вопрос различаются четыре концепции: западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм». (Между крайними вариантами возможны некоторые переходы, комбинации; но не сводимая к таким переходам новая концепция едва ли вообще возможна.)

После событий, произошедших в нашей стране в конце 1980-х – начале 1990-х, этот вопрос стал особенно острым. Как профессионалы, так и общественность не могли не задуматься над историческим смыслом произошедших перемен и перспективах, путях

самоопределения России в современном мире, в котором, возможно, возрастает геополитическое значение цивилизационных сходств и различий.

Обращение к существующим концепциям, разрабатывавшим проблематику места России в системе стран мира, сравнение этих концепций, их соотнесение с современностью, в этой исторической ситуации было естественно – и вполне закономерным является особенное внимание именно к евразийству.

Евразийство возникло в 20–30-е годы 20-го века, в белоэмигрантской среде. Евразийство имело некоторую преемственность с традициями позднего славянофильства, но отразило и понимание нереалистичности ряда его ключевых идей. Похоже, что евразийство было единственным направлением белоэмигрантской мысли, получившим значительное влияние в нашей стране уже в советское время – чему способствовали некоторые элементы евразийства, сближавшие его с советской социальной наукой (и сочетавшиеся с элементами, с ней несовместимыми).

Историческим фоном становления евразийства было определенное отчуждение России от Запада, произошедшее после Октябрьской революции. Вместе с тем в это время сохранялись территориальные приобретения Российской империи в Центральной Азии, сделанные в конце 19-го века, и нарастал процесс постепенного усиления значения Поволжья, Урала, Сибири в разных сферах жизни страны. Отличия от нынешних геополитических обстоятельств велики, но очевидны и некоторые важные совпадения.

После распада СССР враждебность Запада к нашей стране сохранилась; понимание этой реальности все более утверждалось в России, особенно с конца 1990-х годов. Большая часть славянских стран оказалась включенной в геополитическую орбиту Запада. Все это противодействовало влиянию западничества и славянофильства как геополитических концепций. Поэтому внимание закономерно сместилось в сторону евразийства (имевшего длительную историю развития) и «изоляционизма» (утвердившегося в постсоветскую эпоху и в некоторых важных аспектах сходного с евразийством). Поскольку враждебность Запада сохранялась вопреки переходу России к рыночной экономике и политическому плюрализму, возникла необходимость в раскрытии источников этого конфликта. И здесь было закономерным обращение к основным идеям классической геополитики; а именно евразийство наиболее тесно связано (по сравнению с другими рассматриваемыми концепциями) с этими идеями.

Считается, что первым геополитиком «в полном смысле слова» в России был П.Н. Савицкий, один из основателей евразийства [5]. И возрождение геополитики в узком (или «полном») смысле слова в новой России, в 1990-е годы, связано с находящимися в русле евразийской традиции работами А.Г. Дугина. На стыке славянофильских и евразийских

подходов находится версия геополитики, разрабатываемая в Академии геополитических проблем России [11]. Вместе с тем, евразийство, по-видимому, в большей степени привлекает внимание теоретиков (геополитиков, культурологов) и общественности, а не правящих кругов России (ранее СССР) – это одна из парадоксальных ситуаций, связанных с евразийством.

Евразийство вызвало во время своего становления и продолжает вызывать до сих пор интерес и острую полемику. «Правду вопросов» евразийства признали даже авторы, не признававшие за ним «правду ответов» [20]. Отметим в этой связи и такое обстоятельство: евразийство, несмотря на декларируемый традиционализм, расходится, в ряде важных пунктов, с российскими традициями, что приводило и приводит к обвинениям в некоем отступничестве.

Актуальность и противоречивость евразийства делает саму эту концепцию актуальным предметом научного исследования. В данной статье мы попытаемся рассмотреть основные идеи основателей евразийства – П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого в соотнесении с некоторыми геополитическими реалиями нашего времени и с некоторыми научными знаниями, достигнутыми к настоящему времени и проливающими новый свет на происхождение народов Европы и Азии, их лингвистические и генетические связи.

Хотя не все основные идеи классиков евразийства получили продолжение у их современных последователей, все же немалая часть этого идейного наследия в современном евразийстве сохраняется. В раннем евразийстве некоторые идеи достаточно органично выводятся из других положений. В таких случаях принятие части наследия классиков евразийства повышает предрасположенность к принятию и возрождению в современных вариантах других его частей. Некоторые положения и их сочетания, свойственные евразийству, специфичны для него, некоторые же могли существовать до его возникновения, или возникать позже, но вне связи с ним. Поэтому заслуживает внимания – в том числе и в современном контексте – система базовых идей раннего евразийства в целом.

Рассмотрение положений раннего евразийства в современном контексте мы понимаем в двух аспектах: как анализ влияния современных научных знаний и геополитических реалий на оценку ответов, решений проблем, предложенных классиками евразийства; и как влияние этого научного и геополитического контекста на оценку значимости, остроты соответствующих вопросов. Мы рассматриваем только некоторые аспекты этой масштабной проблемной области. По некоторым вопросам, представляющимся в современном контексте особенно значимыми, мы высказываем и свою точку зрения, несколько выходя за рамки первого аспекта.

Положения классического евразийства мы относим к трем взаимосвязанным темам, обозначаемым как «евразийская идентичность», «значение контактов с кочевниками для Руси», «проблематика Моря и Суши». Именно в соответствии с этим делением мы и строим свое рассмотрение. Первая тема относится к культурологической сфере; вторая и третья – к геополитической.

2. О евразийской цивилизационной идентичности

Согласно взглядам основоположников евразийства, выраженных, например, в «Манифесте евразийства» [13], восточные славяне ближе в цивилизационном отношении «туранским» народам (тюркские, монгольские, угро-финские народы в границах Российской империи и СССР), чем к западным и южным славянам, не говоря уже о других народах Европы. А туранские (в том числе тюркоязычные) народы Российской империи – СССР, цивилизационно ближе к восточным славянам, чем, например, к туркам.

Очевидное противоречие этих взглядов с фактами языковой сферы евразийцы обходили, утверждая малую значимость языкового родства как элемента цивилизационной идентичности.

Труднее – с религиозными реалиями. Евразийцы не отрицали, напротив, подчеркивали культуuroобразующее значение религии; как и славянофилы – утверждали собственную религиозность, противопоставляли православие католицизму и протестантизму. (Для славянофилов такие взгляды были более органичны.)

Подчеркивание цивилизационного значения религии должно приводить и к подчеркиванию цивилизационного значения религиозных различий между восточными славянами, с одной стороны, и большинством «туранцев», с другой.

Эта трудность (противоречие евразийской культурологической концепции религиозным фактам при утверждении высокой значимости религии) не была убедительным образом преодолена.

Во второй половине 20-го века политическое значение религиозных различий очевидным образом возросло. Религиоведческие взгляды ранних евразийцев (считавшим, что мусульмане и буддисты на территории бывшей Российской империи тяготеют к переходу в православие), мало сказать – не подтвердились; в современных геополитических реалиях они выглядят слабыми.

Евразийцы считали, что восточные славяне родственны «туранцам» в расово-антропологическом отношении, это родство – результат смешения в ходе многовековых контактов. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В рамках традиционных антропологических исследований (краниология, одонтология, дерматоглифика) давно преобладал вывод о большом сходстве

восточнославянских народов между собой и с западнославянскими народами (в данном случае очевидна аналогия антропологического и языкового сходства), вместе с тем о существенном сходстве русских с угро-финскими народами (несколько отдаляющим русских от остальных славян). Давно установлено и сходство, тех или иных уровней, восточнославянских и западнославянских народов с другими народами Европы (западноевропейскими, балканскими); славянские народы в основном попадали в некую среднюю (между северными и южными европеоидами Европы) группу типов. Угро-финские народы традиционно рассматривались как европеиды (тяготеющие к северным группам типов), возможно, с небольшим монголоидным компонентом. Монголоидный компонент у русских тоже обычно признавался небольшим. То есть, с позиций традиционной антропологии, Россия, по расовому составу большинства населения – это не столько евразийская, сколько восточноевропейская страна. При этом существования какого-то расового фактора, объединяющего Западную, романо-германскую Европу и обособляющего ее от Восточной, по преимуществу славянской, традиционная антропология, как правило, не утверждала.

Элемент дискуссионности в определении значения монголоидных компонентов в составе угро-финских народов и русских, а также в вопросе о происхождении этих компонентов, их связи с вторжениями кочевников, в традиционной антропологии существовал и во времена становления евразийства, и позже.

Развитие исследований в области генетики человека привело к формированию новой и быстро растущей области знаний – ДНК-генеалогии. В ее рамках получены результаты, позволяющие с новых позиций взглянуть на данную проблематику.

Современная генетика человека оперирует понятием «гаплогруппа» – это генетическая ветвь, отмеченная определенной мутацией ДНК [2]. Участок ДНК, претерпевший мутацию, может подвергаться новым мутациям, более или менее сильным. Так из более древних гаплогрупп возникают более поздние. Генетические маркеры гаплогрупп наследуются – некоторые по мужской, некоторые по женской линии. Факты, установленные в рамках ДНК-генеалогии в наше время, особенно на Западе, широко популяризируются, способны стать реальностью массового сознания. Рассмотрим относящиеся к нашей проблематике факты ДНК-генеалогии, только по гаплогруппам мужской линии, поскольку распространение гаплогрупп женской линии дает в общем сходную, но менее определенную картину.

Выяснилось, что в Европе преобладают среди гаплогрупп мужской линии родственные гаплогруппы R1b1 (свойственна Западной Европе, особенно кельтским и ассимилировавшим большие группы кельтов народам) и R1a1 (свойственна Восточной

Европе, особенно балтам, восточным, частично западным славянам, особенно полякам). Преобладает мнение, что носителями этих гаплогрупп были носители языка, от которого произошла современная индоевропейская семья, расселившиеся в Европе и Западной Азии из евразийских степей в эпоху энеолита. Гаплогруппа R1b1 редка за пределами Европы, а R1a1 свойственна также таджикам, иранцам, высшим кастам Индии. В Европе также распространены гаплогруппы I1b (свойственна Восточной Европе, особенно Балканам) и I1a (свойственна Северо-Западной Европе, особенно германским народам). Эти гаплогруппы родственны между собой и специфичны для Европы (более отдаленные по родству гаплогруппы J распространены на Ближнем Востоке). Гаплогруппы I1b и I1a предположительно связываются с доиндоевропейским населением Европы. В некоторых регионах Европы (Балканы, Пиренейский полуостров) довольно широко распространена гаплогруппа E, которая является одной из типичных также в Африке, но в Европе, за пределами указанных регионов, сравнительно редкая. Такова, в общем, картина распространения в Европе самых типичных для большей ее части гаплогрупп мужской линии [22].

Западная Европа («романо-германская», скорее «посткельтская») и Восточная Европа по гаплогруппам образуют две разные, но родственные общности.

Россия, в общем, является в генетическом отношении частью Восточной Европы. Исследователи приходят к выводу, что свойственная монгольским и древним тюркским народам гаплогруппа C в генофонде русских чрезвычайно редка [2].

Правда, пока обследованы больше русские центральных и северных районов России; группы русского населения, в течение многих поколений проживающие в Среднем и Нижнем Поволжье, на Южном Урале, в Сибири, особенно Восточной, несомненно, получили часть генофонда от местных этносов, частично или вполне монголоидных. Поэтому вероятно, что мнение о практическом отсутствии отличий генофонда русских от генофонда других народов Европы по встречаемости гаплогруппы C будет оставлено, но мнение о малости таких отличий подтвердится.

Однозначен вывод об отсутствии генетических последствий «монгольского ига» [2].

Подтверждается значение угро-финского компонента в русском генофонде. Свойственная угро-финским народам гаплогруппа N3 в северных русских популяциях является одной из типичных [там же]. Она встречается реже в центральной России и почти не встречается в Южной. В Белоруссии и на Украине она значительно менее частотна, чем в целом по России. За пределами России она высоко частотна в Финляндии, Эстонии, одной из типичных является в Литве, Латвии, в меньшей степени в Швеции, Норвегии.

Угро-финские народы в наше время живут в основном в Европе, но их генетические корни, или часть генетических корней – в Азии. Уральская лингвистическая общность (угро-финские+самодийские народы), по преобладающим в современной науке представлениям, сформировалась где-то на Южном Урале [18]. Различные варианты гаплогруппы N встречаются, кроме угро-финских и других уральских народов, изредка в Восточной Азии, в том числе в Южном Китае. Встречается она, иногда с большой частотой (якуты) и у некоторых современных тюркоязычных народов, ассимилировавших значительные угро-финские или родственные угро-финнам группы. Родственная гаплогруппе N гаплогруппа O, в различных вариантах, свойственна многим монголоидным народам, особенно типична в Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Китай, Вьетнам, Корею, большую часть Индонезии, в меньшей степени Японию.

Не рассматривая вопроса о том, как это отдаленное родство угро-финских народов с восточно-азиатскими по гаплогруппам мужской линии соотносится с их большим различием по традиционному расово-антропологическому делению, и вопроса о путях миграции общих предков в Европу и в Восточную Азию, можно констатировать некие азиатские связи угро-финнов и через них – русских. Эти связи оказались существенно иными, чем их представляли себе классики евразийства: они не сближают русских с тюркскими и монгольскими кочевниками Центральной Азии, вторгавшимися в Европу в 5–13 веках н.э.

Не сходны угро-финны с тюрками и в религиозном отношении. Почти все тюркские народы традиционно исповедуют ислам, почти все угро-финские – христианство. Политические связи, традиционная экономика – все это не сближает угро-финнов с тюрками.

Во времена ранних евразийцев существовала гипотеза о глубинном родстве алтайских языков (тюркских, монгольских, маньчжуро-тунгусских) с уральскими (угро-финскими и самодийскими). При этом было ясно, что даже в пределах каждой из этих семей степень сходства слаба (меньше, чем в пределах индоевропейской семьи языков), и даже само существование алтайской семьи проблематично (остается таковым и в науке нашего времени). В современной лингвистике достаточно влиятельна гипотеза, объединяющая несколько языковых семей Старого Света в единую макросемью, называемую ностратической. В нее входят и уральские, и алтайские, но также индоевропейские и некоторые другие языки [10]. Иначе говоря, крайне далекое родство уральских и алтайских языков в современной науке гипотетически признается, но его избирательность устраняется или ослабляется.

Туранского типа, как таксона, объединяющего «уральцев», с одной стороны, и «алтайцев», с другой, не существует ни в каком смысле. И само это понятие «туранские», «уралоалтайские» народы, использовавшееся евразийцами [17], уже довольно давно исчезло

из науки. С позиций современной науки связи с угро-финнами не сближают русских с большей частью «алтайских» этносов (кроме некоторых, в сложении которых имел значение угро-финский субстрат, таких, как казанские татары и чуваша).

Положение об избирательной культурно-исторической близости восточных славян с народами Центральной Азии – это часть концепции ранних евразийцев, самая специфичная для евразийства вообще (по сравнению с другими российскими концепциями-самоидентификациями), и вместе с тем, часть, наименее приемлемая в контексте данных современной науки.

3. О значении контактов с кочевниками для Руси

Центральное место в культурологических построениях евразийцев занимает утверждение о глубоком и положительном влиянии контактов с кочевниками на восточных славян, в том числе о положительном в целом значении татаро-монгольского господства на Руси. Здесь культурологические идеи тесно соприкасаются с геополитическими. Происхождение русской государственности евразийцы связывали с Московской Русью 14–15 веков, находившейся под влиянием монголо-татар.

Эти положения, ни во время их выдвижения, ни позже, не были приняты большинством профессионалов. Не обсуждая проблематику значения контактов Руси с кочевниками детально, мы сейчас отметим, что в массовом сознании, в исторической памяти русских, украинцев эти контакты выглядят совсем не так, как в концепции евразийцев. Обращение к фактам массового сознания, фактам коллективной самоидентификации, к произведениям прошлых эпох, отражающим факты коллективной самоидентификации, тем более оправдано в данном случае, потому что сами евразийцы придавали этой сфере социальных явлений большое значение – говорили даже о евразийском национализме [18]... Внимание науки к феноменам массового сознания к нашему времени еще более возросло.

Русские былины складывались в 11–16 веках; в это время происходили войны Руси со шведами, немцами, поляками, литовцами. Но в былинах почему-то нашли отражение именно войны с кочевниками. Даже в новгородских по происхождению былинах не отражена борьба с немецкой и шведской агрессией (хотя именно эта агрессия, по мнению евразийцев, и ранних и более поздних, была главной цивилизационной угрозой для Руси). Новгородские былины непосредственно не отражают и борьбы с кочевниками, говорят о внутренних русских конфликтах. Иногда, тем не менее, новгородские былины кратко упоминают о событиях монголо-татарского нашествия [9, стр.261, 300], но вовсе не упоминают о Ледовом побоище.

В эпических памятниках Руси – «Слове о полку Игореве» [14] и «Задонщине» [5] нет ни малейших признаков евразийского самосознания. В «Слове» половцы – противники русских – неоднократно называются «погаными» (то есть язычниками, нехристианами). Не столь уж и масштабная, по историческим меркам, война, в «Слове» отражена как событие, имеющее, по современной терминологии, черты столкновения социумов, принадлежащих к разным цивилизациям. В «Задонщине» говорится о Куликовской битве, и написано это произведение современником, вероятно, участником этой битвы, то есть в конце 14-го века, примерно через 200 лет после «Слова». Сравнение «Слова» с «Задонщиной» правомерно как из-за сходства их тем, так и из-за многочисленных цитат из «Слова», имеющих в «Задонщине».

Бросается в глаза резкое усиление цивилизационного противопоставления русских и их противников в «Задонщине» по сравнению со «Словом». В «Слове» имеется противопоставление по этническому и религиозному признакам. В «Задонщине» русские противопоставляются татарам по четырем основаниям. Этническое противопоставление сохраняется, религиозное – резко усиливается. Постоянно подчеркивается, что бой идет «За землю Русскую, веру христианскую». Заметим, слово «православный» употребляется в «Задонщине» только один раз, а «христианский» – многократно. Кроме того, татары противопоставляются русским как потомки Сима потомкам Яфета (средневековый, основанный на Библии аналог современного суперэтнического деления народов). И это еще не все. Татары неоднократно называются словом «хинове», несомненно, от «Хина» – Китай. (Означает что-то вроде: «люди, подобные китайцам».) В «Слове» «хинове» встречаются гораздо реже.

«Задонщина» написана через 150 лет после завоевания Руси монголо-татарами. За это время, судя и по «Задонщине» и по многому другому, религиозное и этническое самосознание русских резко усилилось; но не потому, что монголо-татары были цивилизационно близки русским. Скорее наоборот, потому что религиозное, цивилизационное различие между русскими и монголо-татарами было резко выражено и остро осознавалось.

Отметим, что Х. Макингер писал о стимулирующем влиянии нашествий азиатских кочевников на национальное самосознание многих западноевропейских народов. Но связывал это стимулирование именно с чуждостью кочевников по отношению к западным европейцам, заставлявшей спланиваться в борьбе с ними [6].

Заметим, что общеславянское самосознание тоже не свойственно русским былинам. Терминов «славяне, славянский» ни в «Слове», ни в «Задонщине» нет. Но в них, как и в былинах, присутствует восточнославянское самосознание, поскольку слова «Русь»,

«русский» относились ко всем восточным славянам. Русские ощущали себя русскими и христианами, а не славянами вообще и тем более не евроазиатами.

Евразийцы справедливо отказались от односторонности большинства западников и славянофилов во взгляде на отношения Руси и Азии. Влияние Азии на Русь было не только отрицательным. Это не новая мысль: еще А.С. Пушкин (имевший, несомненно, мировоззрение западнического типа) отмечал, что заимствования из татарского в русском языке не следует рассматривать как ржавчину, что чужой язык распространяется не саблями и пожарами, а собственным обилием и превосходством. Впрочем, он же отметил, что заимствований из татарского в русском языке – всего около пятидесяти слов. Словарь языка Пушкина, изданный в наше время, включает более двадцати тысяч слов. Причем Пушкин, разумеется, не стремился использовать все слова русского языка, но наверняка стремился учесть (в числе этих 50 слов) все слова, идентифицированные им как заимствования из татарского. (Получается, татарских заимствований во времена Пушкина в русском языке было меньше, чем 0,25 %. Это в лексике; о грамматике и говорить нечего.)

Евразийцы, справедливо отметив неоднозначность влияния Азии на Русь, преувеличили его масштаб, и преувеличили значение вторжений кочевников как фактора, обуславливающего проникновение азиатских явлений на Русь. На самом же деле, многие азиатские явления (культурные, генетические) в России – это не результат вторжения кочевников на Русь, а наоборот, результат завоевания Русью (Россией) земель Орды, других частей Азии, и ассимиляции части местного населения, культурного взаимодействия с ним. Россия в 15–19 веках гораздо глубже (во всех отношениях) продвинулась в континентальную Азию, чем Азия когда-либо продвигалась на Русь. В контексте геополитических взглядов евразийцев это различие важно, о чем мы будем говорить далее.

Азиатских явлений в России больше, чем в Западной Европе, но явно меньше, чем европейских явлений (заимствованных и исконно славянских) в самой России. В составе генофонда русских элементы, характерные для азиатских кочевников, составляют, по данным современных генетических исследований, около 2 %. Далекое не достигает и 1 % доля тюркских заимствований в русском языке. Масштаб языковых заимствований хорошо отражает масштаб культурных заимствований вообще. Монгольских заимствований в русском языке почти нет.

Может быть, азиатские влияния ощутимо отдалили Россию от Европы, но не приблизили сопоставимым образом к Азии. (Приведем аналогию типологических расстояний с пространственными: 100 км от Москвы по трассе на Владивосток является практически ощутимым удалением от Москвы, но практически несущественным приближением к

Владивостоку). То есть азиатские связи России скорее можно истолковать в духе «изоляционизма», чем евразийства.

И еще – азиатских явлений в России гораздо меньше, чем должно было быть (можно было бы ожидать), учитывая многовековые контакты России и Азии. Азиатские по происхождению инновации, как правило, проникали в Россию через Запад (этот факт нами рассматривался подробнее [12]). Это обстоятельство говорит одновременно и против евразийства (получается, что Россия не евразийская, а скорее европровинциальная страна), и за него – провинциальное отношение к Западу нужно преодолевать (понимание этого евразийцам свойственно). Здесь, впрочем, уместно вспомнить о скрытом евроцентризме евразийцев, отмеченном В.Л. Цымбурским. Согласно Цымбурскому, в России всегда (в том числе и основателями евразийства) отношения с Азией рассматривались в контексте более важных отношений с Западом [21]. Сейчас мы эту тему подробно не рассматриваем. Во всяком случае, евроцентризм не исключает импульса к преодолению европровинциализма.

Положения ранних евразийцев о масштабности влияния кочевников на Русь и резкая акцентировка позитивных аспектов этого влияния – это одна из самых специфичных для евразийства вообще, вместе с тем, наименее обоснованных частей их концепции.

4. Россия и проблематика «Моря и Суши»

Евразийцы восприняли подходы немецкой политической географии (прежде всего, К. Ратцель), английской и немецкой геополитики (Х. Макиндер, К. Хаусхофер). Согласно взглядам К. Ратцеля, государство – это своего рода живой организм, укорененный в «почве», «земле». Очевидно, имеется в виду не просто природа, а особый (для каждого государства свой) природный выдел. Впрочем, соответствие государства «земле» не так однозначно: государство может расти (как и живой организм), расширять свою территорию (очевидно, за счет территорий, более или менее сходных с первоначально занимаемой). Из всего этого следует, между прочим, высокая вероятность геополитической конкуренции между странами, находящимися в сходных природных условиях.

Согласно идеям классика геополитики Х. Макиндера [6], основные коллизии международной политики разворачиваются между жителями «внешнего полумесяца», наименее континентальной части Европы, в основном островов и полуостровов, жителями высоко континентальной части Евразии («осевого региона», позднее получившего название «Хартленд»), и находящимися между теми и другими, испытывающими их давление жителями «внутреннего полумесяца» (умеренно-континентальные области Европы). Концепция Макиндера отразила (по-своему) реалии его времени – противостояние Великобритании, Германии и России. Но Макиндер, как это свойственно авторам социально-политических теорий, спроецировал современность на прошлое (сблизив, в геополитическом

отношении, Россию с кочевниками прошлого) и будущее. Вместе с тем в прошлом геополитические реалии Европы и Северо-Западной Азии чаще были иными.

Многовековая борьба Западной Европы против исламского мира в Средние века (отражение нашествия арабов, крестовые походы), многовековое военно-политическое противостояние Германии и Франции (начиная с позднего средневековья до Второй мировой войны) едва ли соответствуют схеме Макиндера.

С позиций интересов своей страны Макиндер считал необходимым предотвращение союза Германии и России.

У Макиндера заимствованы (при этом нередко переосмыслены) многие ключевые идеи евразийцев: уже упоминавшееся сближение России с кочевым миром прошлого (у Макиндера оно было только геополитическим, евразийцы сделали его также цивилизационным), положения об «осевом» геополитическом значении «Евро-Азии» (этот термин употреблял Макиндер), о формировании в этом регионе в будущем экономического мира, недостижимого для океанической торговли, о позитивном влиянии нашествий кочевников на Европу.

К. Хаусхофер, приняв идею противопоставления «моря» и «суши», выстроил, однако, геополитическую схему с позиций Германии как части «суши», считая целесообразным союз Германии и России, а также Японии (хотя она к «суше» не принадлежит).

Евразийцы, приняв оппозицию «моря» и «суши», в качестве основной геополитической идеи, вслед за К. Хаусхофером, построили геополитическую концепцию с позиций «суши», но главным геополитическим субъектом «суши» считали Россию (в территориальных рамках бывшей Империи и СССР). Оппозиция «море-суша» была воспринята евразийцами не как специфическая реальность 19-20 веков, но как «вечная». С этим связана идея культурного единства народов наиболее континентальной части Евразии (в широком смысле слова), их культурной обособленности от народов Западной Европы.

С точки зрения евразийцев, «Евразия в узком смысле слова» (примерно совпадающая с Российской Империей, СССР) – это **особый физико-географический выдел**, чем и обуславливается существование евразийской **культурной общности** народов.

Трудно найти страну, где идея немецкого «органицизма» (государство – организм, укорененный в «своей» почве), столь же плохо соответствует реальности, как в России. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Если сначала оконтурить территорию по границам Российской империи – СССР, а потом усреднить физико-географические характеристики, то отличия от Западной Европы будут действительно большими. Такого рода операция, однако, не дает достаточного основания считать некий ареал особым выделом. Но если сначала провести физико-

географическое районирование Евразии (в широком смысле слова), то получить выдел, приблизительно совпадающий с «Евразией в узком смысле слова», не удастся. Территория России-СССР не однородна ни в широтно-зональном отношении, ни в орографическом отношении, ни по зонам удаленности от моря. (Например, в монографии Л.И. Безрукова [1] имеется карта мира, где показаны зоны удаленности от моря; видно, что территория России-СССР пересекается с несколькими такими зонами.)

Особенно важно, в контексте обсуждения органицистски-геополитических подходов, что первичная территория великорусского этноса и первичная территория Московского государства находились в зонах сравнительно невысокой континентальности (причем первичная территория этноса – это почти приморская зона, где находится связанный в древности с морской деятельностью Новгород). Расширение этноса и государства почему-то пошло в другие, «чужие» зоны удаленности от моря, в высоко континентальные и ультраконтинентальные регионы. Аналогично – в «чужие» ландшафтно-широтные и орографические зоны и ареалы (из леса в степь и лесостепь, в лесотундру и тундру, с равнины – в горные области в низменности...).

Нетрудно понять, почему это произошло. В 8–10 веках к востоку от славян жили угро-финские племена, в то время отстававшие в культурном отношении, не способные поэтому оказать эффективного сопротивления славянской колонизации. В определенный исторический период, в 15–16 веках, неевропейские соседи Руси резко отстали от нее в развитии, особенно в военном отношении, чем и была обусловлена быстрая экспансия Руси, особенно в восточном и южном направлениях. Соотношение потенциалов стран, способных претендовать на определенные территории, в данном случае имело большее значение, чем физико-географические характеристики этих территорий, их (территорий) «органичность» или «неорганичность» для геополитических конкурентов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приблизительно к этому времени относятся и первые проявления колониальной экспансии западных европейцев. И западноевропейская, и русская экспансии в значительной мере опирались на водный транспорт – морской в первом случае, речной во втором. Инициатива в отношениях Европы и Азии в эту эпоху переходит к Европе. Именно в эту эпоху происходит и революция в военных технологиях – огнестрельное оружие приобретает особое значение. Едва ли эти совпадения случайны.

Вопрос, какая страна является крайней восточной частью Европы – Польша или Россия – решился практически. Польский натиск на восток потерпел неудачу, российский – оказался успешным. Иными словами, история территориальной экспансии России сближает

ее с Западом (отмечено еще Макиндером [6]), а не с Ордой. И она, эта история, говорит не в пользу идеи органической связи государства и природного выдела.

У евразийцев приверженность органицистскому подходу взаимосвязана с симпатиями к Орде. За стремлением найти ордынские корни русской государственности (и за сходным стремлением связать азиатские явления в России с экспансией Орды против Руси, а не с обратным процессом) скрывается следующее (подразумеваемое) рассуждение. «Россия (современная) – преимущественно континентальная страна. Формы государственности органично связаны с природной средой. Главная характеристика природной среды – ее положение по отношению к морю. Явления континентального происхождения для современной России органичны. Орда была континентальным образованием. Следовательно, из теоретически возможных источников современной русской государственности (собственные традиции, византийские влияния, скандинавские влияния, западноевропейские, кроме скандинавских, влияния, ордынские влияния) следует предпочесть Орду».

Обратим внимание на некоторую методологическую непоследовательность евразийцев. Когда речь идет о культурной идентичности России, они отказывались от жесткой понятийной альтернативы: Европа либо Азия; нет, и то и другое, Евразия. Когда же речь идет о географическом положении России, наоборот, утверждалось жесткое противопоставление: море либо континент. Евразийцы, конечно, говорили и о приморских территориях России, но обычно в очень специфическом контексте: стремились обосновать мысль об их малой значимости, чуть ли не чужеродности для России. Морская деятельность не воодушевляла евразийцев. П.Н. Савицкий: «Что касается русского Тихоокеанского флота, то судьба этот флота пока что представляется сходной с судьбой тихоокеанского флота Кубилая» [13, с. 323]. Несмотря на оговорку («пока что»), направленность мысли достаточно определенная.

Вполне ясно: Россия по культуре преимущественно европейская, но отчасти и азиатская страна. По географическому положению Россия страна преимущественно континентальная, но отчасти и морская. Преобладающий в российской культуре европейский компонент соотносится (не абсолютно) с уступающим в географии морским компонентом, уступающий в российской культуре азиатский компонент соотносится (не абсолютно) с преобладающим в географии континентальным компонентом. (Из этого, конечно, следует слабость географического детерминизма в версии евразийцев.) При этом России всегда было свойственно стремление усилить европейский и морской компоненты. Евразийская установка противоположна этой традиции.

Стремление России к усилению связи с морем отчасти было обусловлено именно глубинными, традиционными культурными установками, а не только экономической

целесообразностью. Уместно здесь вспомнить сравнение России с Польшей, имеющееся у И.Л.Солоневича [15]. Он отмечал, что для России характерно, традиционно стремление к морю, а Польша к выходам к морю традиционно была равнодушна. Возможно, сказывалось то обстоятельство, что польская государственность сложилась в районе Кракова, вне непосредственных связей с морской деятельностью, а русская – в районе Новгорода, где такие связи были; сказывалось и то значение, которое имел водный транспорт (пусть и речной) в расширении России (но не Польши).

Оснований для отказа от жесткой географической, геополитической альтернативы («море-суша») больше, чем от жесткой культурологической альтернативы «Европа-Азия» – применительно к России и «вообще». Во-первых, в России европейские черты **сильнее преобладают** над азиатскими, чем континентальные – над морскими. Во-вторых, в культурной сфере взаимодействие, синтез, хотя бы простое суммирование-объединение, позволяющие мыслить разные типы в одном понятии, труднее достижимы, чем в географической сфере и связанной с ней сфере отношений морской и сухопутной деятельности. Моряк и субъект сухопутной экономики не противостоят, а дополняют друг друга. Сложнее обстоит дело с взаимоотношениями культур, в том числе религий (религия – важная часть культуры); как правило, религии не мыслят друг друга в качестве взаимодополнительных.

Евразийский географический детерминизм нацелен на проблематику «море-суша», отчасти даже на факторы рельефа; при этом отодвигается отношение «север-юг», широтная зональность. Но общеизвестно, что биосфера Земли в наибольшей степени упорядочена именно по широтным зонам. Конечно, евразийцы не могли пройти мимо очевидного факта широтно-зональной разнородности территории России. Различие в таком случае трактовалось ими как взаимодополняемость, кроме того, акцентируется плавность, непрерывность переходов зон. Но различие приморских и континентальных зон абсолютизируется, акцентировки их взаимодополняемости и плавности переходов (в России и на международном уровне) нет.

С тем, что Россия континентальная, по преимуществу, страна, согласиться, разумеется, нужно. Тем не менее едва ли оправданно одностороннее подчеркивание евразийцами, вслед за классической геополитикой, высокой континентальности России, при игнорировании, или недооценке, ее значительной океаничности. «Хартленд» (понятие классической политики), как территория, приблизительно совпадает с «Евразией в узком смысле слова» (понятие евразийства), но не с Россией (тем более в ее современных границах). Немалая часть территории России не входит в территорию «Хартленда», которую сам Макиндер неоднократно и сильно менял (что говорит о неопределенности содержания этого

понятия, слабости его объективных оснований). И немалая часть «Хартленда» не входит в территорию современной России. За существенной неполнотой территориального совпадения России с «Хартлендом» скрывается слишком многое. В практических контекстах (а геополитика претендует на сугубую практичность) количественно не преобладающие стороны явления могут быть крайне важны. Российский Дальний Восток – это в любом случае далеко не «Хартленд», но чрезвычайно важный в геополитическом отношении регион. Кроме того, в классической геополитике, а вслед за ним и в классическом евразийстве (эта черта унаследована современным евразийством), имеется уклон к преувеличению степени континентальности России. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Следует различать территориальный, расселенческий и деятельностный аспекты континентальности стран.

Степень континентальности в территориальном аспекте определяется соотношением площадей зон удаленности от моря на территории государства; кроме того – наличием непосредственного контакта территории государства с морем (выхода к морю).

Степень континентальности в расселенческом аспекте определяется соотношением численностей населения, проживающего в различных зонах удаленности от моря на территории государства. Именно этот аспект в основном анализируется в монографии Л.И. Безрукова [1].

Степень континентальности в деятельностном аспекте определяется масштабами морской деятельности данной страны, характеризуемой количеством морских судов, их суммарной вместимостью, грузооборотом торгового флота – в соотношении с масштабами экономики страны или с численностью ее населения.

Вполне очевидно, что степень континентальности в расселенческом аспекте зависит от территориального аспекта, а степень континентальности в деятельностном аспекте зависит от двух других аспектов. Но зависимости имеют немалую степень вариативности – один и тот же уровень в одном аспекте может сочетаться с разными уровнями в другом аспекте. И динамика континентальности в разных аспектах может быть совершенно различной: например, рост континентальности страны в расселенческом аспекте может сочетаться с расширением масштабов морской деятельности, с уменьшением континентальности в деятельностном аспекте.

Деятельностный аспект – наиболее важный в оценке степени континентальности страны. Он зависит от двух других аспектов (в этом смысле характеризует их) и от таких явлений-факторов, которые с трудом поддаются непосредственной оценке в плане их

влияния на степень континентальности (замерзаемость и частичная замерзаемость портов, наличие судоходных, связанных с морем рек, степень их судоходности и т.д.).

Но деятельностный аспект также зависит от общего уровня развития страны (степень континентальности в расселенческом аспекте зависит от общего уровня развития страны в меньшей степени), от значения, которое элиты страны придают морской деятельности. Впрочем, геополитические установки элит – это отчасти характеристика, индикатор культурного типа страны.

П.Н. Савицкий говорил о высокой континентальности США [13], фактически учитывая территориальный аспект континентальности, в связи со свойственным ему преувеличением значения «земли», как фактора, определяющего культурный облик страны. Но в деятельностном аспекте США уже во времена Савицкого превращались во вполне морскую страну. В расселенческом аспекте США на раннем этапе своего существования были сугубо морской страной, затем существенно «континентализовались» (что, заметим попутно, едва ли повлияло на характеристики США как внешнеполитического актора).

В СССР в 1930-е – 1960-е годы произошел существенный сдвиг населения и экономического потенциала на восток, произошла континентализация страны в расселенческом аспекте [1]. Но при этом, темпами, опережающими рост экономики в целом, тем более рост населения, выросли масштабы морской деятельности. Грузооборот торгового флота СССР вырос с 1940 по 1971 примерно в 30 раз (с 12,8 до 375,8 млрд.т/м.миль) [7], а производство электроэнергии (важный показатель, характеризующий экономический потенциал в целом) с 1940 по 1975 – «только» примерно в 21 раз (с 48,6 до 1038,8 млрд квт.ч.) [16]. Население выросло с 1940 по 1976 в 1,3 раза (с 194077 до 255524 тыс. чел.) [там же]. Грузооборот морского транспорта СССР превзошел в 1971 грузооборот морского транспорта под флагом США [7] (которые, заметим, в это время превосходили СССР по производству электроэнергии приблизительно в 2 раза). Вместе с тем по тоннажу торгового флота СССР занимал в 1973 году 5-е место в мире, то есть уступал, особенно с учетом численности населения, странам, которые можно вполне отнести к «морскому» типу [7].

Из всех этих фактов, на наш взгляд, следует, что: а) степень континентальности, как и динамика степени континентальности, страны в разных аспектах может быть совершенно различной; б) Россия (СССР) в середине 20-го века была не континентальной, а континентально-морской (континентально-океанической) страной (таковой, несомненно, является и современная РФ, хотя черты континентальности в результате упадка 1990-х временно усилились). Еще раз подчеркнем, что оснований для отказа от жесткой понятийной альтернативы здесь больше, чем в культурологической (Европа+Центральная Азия как цивилизационные общности) сфере.

Может быть, для высоко континентальной в расселенческом аспекте страны рост морской деятельности дает меньший экономический эффект, чем для страны морской в расселенческом аспекте. Но и это обстоятельство не дает основания игнорировать масштаб морской деятельности при установлении типа страны по совокупности признаков, определяющих степень ее континентальности-океаничности. В том числе потому, что возможности усиления соответствующего эффекта, несомненно, существуют. Они заключаются в политике повышения значения морских регионов страны, с опорой на преимущества их положения.

Здесь мы переходим к «принципу континентальных соседств» Савицкого. Согласно этой идее, отрицательные последствия континентального положения страны (большие затраты на перевозки) могут быть ослаблены превращением экономического пространства страны в систему районов, каждый из которых относительно самодостаточен. Элементы такой политики проводились в СССР, и успешно, отмечается в монографии Л.И. Безрукова, где эта идея развивается [1]. Нет сведений о том, что советские ученые и политики, проводившие такой подход, заимствовали его у евразийцев. Но проницательность П.Н. Савицкого, перспективность этих его идей отметить необходимо. Однако заметим и важное отличие советской региональной политики: в ней не ставился в такой степени акцент именно на **континентальных** соседствах. Стремление формировать относительно самодостаточные, «завершенные» экономические районы относилось и к морским районам, и было взаимосвязано с уже отмеченным ускоренным развитием морской деятельности.

Едва ли наша страна в советскую эпоху достигла максимально возможного (по отношению к масштабу экономики и численности населения), при этом целесообразного, масштаба морской деятельности. После распада СССР масштабы морской деятельности в России резко снизились, но тенденция к восстановлению существует. В настоящее время развитие морской деятельности становится более актуальным для России, чем когда-либо раньше. Тому есть и экономические и геополитические причины. Возрастает значение моря как источника биоресурсов. Возрастает и значение моря, морского шельфа, а также Арктики как источника других, не биологических ресурсов – энергетических, в том числе. Как известно, моря и океаны – это 2/3 площади Земли, и это во многом неисследованная (в ресурсном отношении тоже) часть нашей планеты.

Историческая тенденция относительного ослабления транспортного значения моря, если и существует, то слаба. Перспектива роста ресурсного значения моря сомнений не вызывает (отчасти в связи с процессами истощения ресурсов суши – соответственно, это очень глубокая и долгосрочная тенденция).

В освоении морских и арктических ресурсов Россия способна быть одним из ключевых акторов – это соответствует ее географическому положению, потенциалу, менталитету и традициям. В данной связи имеют особое значение именно морские и примыкающие к морским макрорегионы России. Евразийские идейные установки, интенции не способствуют выдвижению этих макрорегионов на приоритетные позиции в российской внутренней геополитике.

Ухудшение отношений с Западом усиливает значение связей с Восточной Азией. И здесь особое значение имеет российский Дальний Восток. Как отмечает А.Ф. Никольский: «Во внешней политике цель России – формирование альтернативного экономического и политического мирового центра силы путем интеграции экономик и политик СНГ, КНР, Индии, развивающихся стран Латинской Америки, Африки, Азии» [8, с. 276]. Повышается значение связей с соответствующими странами, включая страны БРИКС – значит, повышается и значение морской деятельности, поскольку эти связи во многом осуществляются через море. (Заметим, что если БРИКС утвердится, как геополитический союз, его конкуренцию с Западом невозможно будет подвести под схему борьбы «Моря» и «Суши».)

Свойственный ранним евразийцам и проявляющийся у их последователей уклон к одностороннему подчеркиванию континентальных черт России, едва ли теоретически правилен и практически продуктивен. Учет здесь еще некоторые обстоятельства.

1). Россия – почти полуостров, окруженный двумя океанами; имеет выходы и во внутренние моря третьего океана – это тоже геополитические факты.

2). Россия – сугубо речная страна. Существует взаимосвязь (особенно в России) традиций речной и морской деятельности. Согласно К. Хаусхоферу, речные образования занимают промежуточное положение (в типологическом смысле) между морскими и континентальными. Из 10 крупнейших рек Евразии (материка) 5 полностью или большей частью находятся в России, и все они впадают в моря на территории России. Тяготение населенных пунктов к рекам (в том числе к небольшим рекам) у русских сильнее, чем, например, у украинцев, белорусов и поляков. Необходимо отметить значение водного транспорта в освоении русскими Поволжья, Сибири, Дальнего Востока.

Если типизировать страны современного мира в соответствии с их положением по отношению к морю, необходимо выделить, кроме континентального и океанического типов, переходный, континентально-океанический. Россия относится именно к нему. В классической геополитике, а вслед за ней и в евразийстве (не только в раннем) необходимость резкого обособления, даже противопоставления морского и континентального геополитических типов, связана с представлениями о **генезисе** конфликта

между морскими и континентальными странами. Этот конфликт рассматривается как следствие различного положения стран по отношению к морю. Если эти представления признать необоснованными (а признать их правильными, особенно в наше время, трудно), то и необходимость включения России в жесткий континентальный тип исчезает.

В постсоветское время, однако, имеется и геополитическая тенденция, согласующаяся с установками евразийства – интеграционные процессы (затрагивающие, в основном экономическую, но иногда и военно-политическую сферу), в которых участвуют, помимо России, Белоруссии и Армении, также республики Центральной (Средней) Азии и Казахстан. Многие факты постсоветского времени, а особенно события на Украине и кризис в отношениях с Украиной приводят к двум, отчасти взаимно дополнительным, отчасти взаимно альтернативным (как практические установки), выводам. 1. Отношения с бывшими республиками СССР крайне важны для России; 2. Эти отношения в нынешней геополитической ситуации уязвимы, и потому Россия более, чем когда-либо раньше, должна опираться на собственные силы.

Во времена ранних евразийцев в подобных утверждениях не было элемента альтернативности (или он был качественно иным), поскольку страны, ныне независимые, тогда были частями одного государства. Ранние евразийцы тяготели к идее самодостаточности страны в современных им границах. Идеальный импульс раннего евразийства, воспринимаемый в наше время, скорее должен приводить к стремлению воссоздать единое государство (Российскую империю или СССР), чем к принципу самодостаточности России в современных границах. Учет и наступательный дух евразийства (как раннего, так и более позднего), органично сочетающийся с симпатией к кочевникам, которые в основном завоеваниями известны истории.

Идею воссоздания Империи (в том или ином варианте) скорее следует признать нереалистичной (учитывая и конфликты с Грузией, с Украиной, и исход русских из Средней Азии – совсем не видно «братания», о котором говорили ранние евразийцы), а принцип самодостаточности, в духе «изоляционизма» В.Л. Цымбурского [21], отнести к современной России. Полезность развития отношений с республиками бывшего СССР при таком понимании не отрицается, но Россия должна вступать в эти отношения как страна, в ряде принципиально важных аспектов самодостаточная (например, в производстве основных видов продовольствия).

Таким образом (в современной геополитической ситуации – особенно), представления ранних евразийцев о значении различий между Морем и Сушей в формировании культур, государств и в генезисе межгосударственных конфликтов, как и недооценка значения морской деятельности для России, выглядят неубедительными. Эти представления не

специфичны для евразийства, связаны с системой идей классической геополитики. Подходы П.Н. Савицкого, помогающие снизить отрицательные следствия высокой континентальности большей части территории России («принцип континентальных соседств», стремление к самодостаточности страны), актуальны и заслуживают развития, с оговорками, учитывающими иной территориальный объем страны и практическую невозможность, в долгосрочной перспективе, его радикального увеличения. Эти подходы также не специфичны для евразийства в том смысле, что допускают соединение с иными концептуальными системами.

Список литературы

1. Безруков Л.И. Континентально-океаническая дихотомия в региональном и международном развитии. – Новосибирск: Гео, 2008. – 369 с.
2. Белановская Е.В., Белановский О.П. Генетические следы исторических и доисторических миграций: континенты, регионы, народы // Вестник ВОГ и С (Вавиловского общества генетиков и селекционеров). – Т. 13. – С. 401-408.
3. Гаплогруппа N (Y-ДНК). [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. Дугин А.Г. Евразийский триумф // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С.433-453.
5. Задонщина // Литература Древней Руси. Хрестоматия. – М.: Высшая школа, 1990. – С.219-226.
6. Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, 20-й век. – М., 2003. – С.9-30.
7. Морской транспорт // Большая советская энциклопедия. Т. 16. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С.598-601.
8. Никольский А.Ф. Теория устойчивого развития и вопросы глобальной и национальной безопасности (начала теории современного социализма). – Иркутск: Сибирская книга, 2012. – 252 с..
9. Новгородские былины. – М.: Наука, 1978. – 456 с.
10. Ностратические языки. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
11. Петров В.Л. Геополитика России. – М.: Вече, 2003.
12. Попов П.Л. О траекториях распространения культурных влияний в системе «Европа-Россия-Азия» // Историческая география Азиатской России. – Иркутск, 2011. – С.70-72.
13. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
14. Слово о полку Игореве. – М.: Художественная литература, 1987. – 221 с.
15. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991. – 512 с.

16. Союз советских социалистических республик // Большая советская энциклопедия. – Т. 24. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – 575 с.
17. Трубецкой Н.С. О туранском элементе и русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С.59-77.
18. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С. 90-100.
19. Уральские языки // [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
20. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М. – С.292-301.
21. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. – М.: Росспэн, 2007. – 544 с.
22. Atlas of the Human Journey. Genetic markers. [Электронный ресурс]. URL: <https://genographic.nationalgeographic.com>

Рецензенты:

Безруков Л.А., д.г.н., заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск-33;

Никольский А.Ф., д.г.н., профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета экономики и права, Министерства образования и науки РФ, г. Иркутск.